

М. Л. ГОФМАНЪ.

ПОЭЗІЯ БОРАТЫНСКАГО.

Историко-литературный этюдъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1915.



Е. А. БОРАТЫНСКІЙ ВЪ МОЛОДОСТИ.
(Съ оригинала, карандашомъ, принадлежащаго Е. Ю. Геркену).

Не ослѣпленъ я Музою моею:
Красавицей ея не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ея, за нею
Влюбленною толпою не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженъемъ...

„Необщее выраженіе“ болѣе всего цѣнилъ въ своей Музѣ Боратынскій и всю жизнь отстаивалъ свою поэтическую независимость, поэтическую индивидуальность.

О независимости поэта мысли говоритъ и Пушкинъ, давая характеристику „уединеннаго“ Боратынскаго: „Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ обретенные колосья: онъ шелъ своею дорогою, одинъ и независимъ“. Поэтомъ „для немногихъ“ — называетъ Плетневъ Боратынскаго. И въ далекомъ потомствѣ осталась слава Боратынскаго, скромная слава поэта мысли, глубокаго пессимиста, поднявшагося на необыкновенную высоту скорбнаго созерцанія, слава независимаго поэта Пушкинской эпохи.

Яркая, рѣзкая индивидуальность отмѣчаетъ все творчество Боратынскаго, непохожее на творчество современныхъ ему поэтовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣющее съ временемъ своимъ много точекъ соприкосновенія.

Боратынскаго называли поэтомъ мысли, поэтомъ-пессимистомъ, поэтомъ отчаянія ума и сердца; но можно его назвать также и поэтомъ-символистомъ. Глубокій символизмъ отличаетъ и міропониманіе Боратынскаго, и приемы его творчества.

Поэтъ постоянно тяготился „міромъ явленій“ съ его ограниченностью и повторяемостью, и все его творчество представляетъ попытку разгадать явленія, проникнуть въ ихъ сущность и сбросить

покрывало, закрывающее міръ вещей. Символизмъ является и пріемомъ творчества Боратынскаго: образы его творчества не столько вызываютъ въ читателѣ зрительныя картины, сколько переносятъ „въ атмосферу музыкальную и поэтически-просторную“ (И. В. Кирѣевскій) и передаютъ міръ мысли за міромъ образовъ. Поэтъ, исключая первый періодъ его творчества, никогда не рисуетъ пейзажа для пейзажа или не даетъ повѣствованія для повѣствованія: за пейзажемъ его открывается иной пейзажъ — скорбной сосредоточенной души поэта, и стихотвореніе его всегда отличается двупланностью, двусторонностью. Таковы его картины въ „Осени“: поэтъ говоритъ объ осени природы и о пиршествѣ крестьянина, но его „широкія лысины безсилья“ земли болѣе всего свидѣтельствуютъ о безсильи внутренняго міра человѣка:

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
Всѣ образы години бывшей
Сравняются подъ снѣжной пеленой,
Однообразно ихъ покрывшей:
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ;
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ. (Сочиненія
Боратынскаго, изд. „Академической Библио-
теки Русскихъ Писателей“, подъ редакціей
М. Л. Гофмана, Т. I, стр. 153).

Изъ этой особенности творчества Боратынскаго — символизма — вытекаетъ и другая его особенность, которую можно назвать „безглагольностью“, понимая подъ безглагольностью отсутствіе глаголовъ, связанное съ незначительнымъ развитіемъ повѣствовательнаго элемента. Неподвижность составляетъ отличительную черту многихъ стихотвореній поэта, у котораго широко развитъ метафорическій словарь существительныхъ (предметовъ), и у котораго глаголы исполняютъ служебную роль логической связи и мало говорятъ о времени и движеніи:

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! Тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ, да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,

И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
 Рѣзецъ, органъ, кисть! Счастливъ, кто влекомъ
 Къ нимъ, чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
 Есть хмѣль ему на праздникъ мірскомъ!
 Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
 Мысль, острый лучъ!—блѣднѣетъ жизнь земная.
 (т. I, стр. 159).

Стихотворенія Боратынскаго не говорятъ о времени, объ измѣненіяхъ, о событіяхъ внѣшняго міра и не рисуютъ опредѣленной обстановки; поэтъ переступаетъ „грань чувственнаго“ и переходитъ въ тотъ свободный міръ, „гдѣ нѣтъ образовъ, гдѣ нѣтъ для узнаванія здѣшнихъ чувственныхъ примѣтъ“, въ міръ, свободный отъ нашихъ необходимыхъ формъ мышленія: времени и пространства.

Творчество Боратынскаго отличается богатою красочностью ¹⁾, конкретностью, поэтъ мыслить въ своихъ произведеніяхъ не иначе, какъ образами (т. е. поэтически), но поэту-символисту, „бѣдному художнику слова“, недостаетъ словъ, тѣсны рамки слова, бѣдны здѣшнія чувственныя примѣты-образы для передачи внутренняго откровенія. Боратынскій въ послѣднемъ періодѣ своего творчества въ особенности рѣзко ощущалъ ограниченность слова и въ своей „Осени“ говорилъ человѣку: Чѣмъ бы ни разрѣшилось послѣднее вихревлращеніе думъ и чувствъ—

Знай, внутренней своей во вѣки ты
 Не передашь земному звуку
 И темныхъ чадъ житейской суеты
 Не посвятишь въ свою науку. (т. I, стр. 152).

И, тщетно стремясь найти адекватную форму, поэтъ часто бывалъ неяснымъ, и поэтической языкъ его казался отъ того еще болѣе особеннымъ и рѣзко индивидуальнымъ.

Какъ будто бы въ разрѣзъ съ опредѣленіемъ Боратынскаго, какъ поэта-индивидуалиста, идетъ опредѣленіе Боратынскаго, какъ одного изъ крупныхъ созвѣздій Пушкинской плеяды.

Современники высоко оцѣнили дарованіе „пѣвца пировъ и грусти томной“. Имя Боратынскаго стояло рядомъ съ именемъ

¹⁾ Отмѣтимъ, впрочемъ, пристрастіе поэта къ темнымъ тонамъ: поэтъ рѣдко пользуется разноцвѣтными красками.

Пушкина, и съ большимъ интересомъ слѣдила современная публика за ихъ поэтическимъ развитіемъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ вырисовывались яснѣе черты „необщаго выраженія“ Музы Боратынскаго, по мѣрѣ того, какъ поэзія Боратынскаго становилась все болѣе и болѣе индивидуальной и менѣе отвѣчающей интересамъ и поэтическому кругозору „темныхъ чадъ“, Боратынскаго все рѣже и рѣже читали и все менѣе и менѣе восторгались поэтомъ, переставшимъ воспѣвать „томную грусть“.

Послѣдняя книжка его — „Сумерки“ — „произвела впечатлѣніе привидѣнія, явившагося среди удивленныхъ, недоумѣвающихъ лицъ, не умѣющихъ дать себѣ отчета въ томъ, какая это тѣнь и чего она проситъ отъ потомковъ“ (М. Н. Лонгиновъ).

И, тѣмъ не менѣе, полузабытый Боратынскій передъ судомъ потомковъ былъ признанъ одною изъ крупныхъ звѣздъ Пушкинской плеяды.

Съ этимъ судомъ можно согласиться, но слѣдуетъ, прежде всего, исправить самое понятіе „Пушкинской плеяды“. Образъ „Пушкинской плеяды“ внушаетъ мысль о поэтахъ — современникахъ Пушкина, которые слѣдовали за летучимъ путемъ Пушкина и, тѣмъ самымъ, не имѣли собственнаго, самостоятельнаго и независимаго пути.

Между тѣмъ, какъ ни была въ нѣкоторыхъ случаяхъ велика сила личнаго вліянія Пушкина, не слѣдуетъ ея преувеличивать. Поэты Пушкинской эпохи въ гораздо большей степени связаны съ предшествующей поэзіей и болѣе зависятъ отъ нея, чѣмъ отъ поэзіи Пушкина. „Пушкинская плеяда“ выступила на поэтическомъ поприщѣ *одновременно* съ Пушкинымъ, и тѣ же причины, которыя подготовили почву для геніальнаго выраженія думъ, чувствъ и настроеній Пушкина, вызвали къ жизни и многихъ поэтовъ, сгруппировавшихся вокругъ Пушкина, какъ вокругъ солнца, и составившихъ блестящую и незабываемую страницу въ русской поэзіи. Поэты „Пушкинской плеяды“ были связаны съ Пушкинымъ не только общностью литературныхъ традицій, литературнаго воспитанія, но и общностью думъ, чувствъ и настроеній, вызванныхъ общимъ моментомъ жизни. Общность была велика, значительно порой было и литературное вліяніе Пушкина, опережавшаго литературный вѣкъ, но эта общность не исключала и совмѣстныхъ успѣховъ (большихъ или меньшихъ) и проявленія своей творческой индивидуальности.

Боратынскій болѣе, чѣмъ кто либо изъ поэтовъ-современниковъ, могъ бы подпасть вліянію Пушкина, вслѣдствіе большого сходства

въ литературномъ образованіи, если бы внутреннія его убѣжденія въ „досадности повтореній“, если бы его ненависть къ подражателямъ не помогли ему отстоять своей независимости.

Подобно Пушкину, наибольшее воздѣйствіе испыталъ Боратынскій съ двухъ сторонъ: Батюшковъ и Жуковскій—съ одной стороны и французская поэзія—съ другой стороны—въ значительной степени опредѣлили первые шаги творчества поэта-индивидуалиста.

Легче всего прослѣдить вліяніе Батюшкова. Боратынскій не только учился у Батюшкова фактурѣ стиха и живописи (а также пластикѣ) образовъ, но, подъ вліяніемъ Батюшкова, обращался и къ эпикурейскимъ мотивамъ, чуждымъ природѣ его таланта. Эпикурейскіе и эротическіе мотивы Боратынскаго перваго періода въ большой степени объясняются вліяніемъ его французскихъ учителей, но подражанія его Мильвуа и Парни весьма близки подражаніямъ „русскаго Парни“. Зависимость Боратынскаго отъ Батюшкова замѣтна также и въ описаніи Финляндіи—въ краскахъ и рисункѣ образовъ, а также въ думахъ, навѣваемыхъ угрюмой природой на обоихъ поэтовъ. Нельзя не отмѣтить также вліянія элегій Батюшкова: часто не только общій тонъ, но и отдѣльныя подробности въ мысляхъ и образахъ элегій Боратынскаго невольно напоминаютъ элегіи Батюшкова. Не менѣе замѣтно вліяніе и идеалистически настроенной меланхолической музыки Жуковскаго, поэта „сердечнаго чувства и воображенія“. Подъ вліяніемъ Жуковскаго Боратынскій готовъ былъ отождествлять поэзію и добродѣтель и выбралъ элегическій родъ поэзіи. Надъ „плѣнительными стихами“ Жуковскаго задумывалась въ то время рѣзвая младость, и воспитательное значеніе поэзіи Жуковскаго было очень значительно. Если молодые поэты у Батюшкова учились пластикѣ стиха, то въ музыкальной мелодіи учителемъ былъ Жуковскій, культъ котораго господствовалъ въ интимномъ кружкѣ Боратынскаго, Дельвига, Плетнева и Кюхельбекера. Идеалистическая грусть Жуковскаго проникала въ русскую поэзію и выразилась полно въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Дельвигъ въ 1824 году жаловался Пушкину, что Боратынскій „правила французской школы всосалъ съ молокомъ матери“, и радовался тому, что „онъ начинаетъ отставать отъ нихъ“. И дѣйствительно, французскій классицизмъ (и нео-классицизмъ) имѣлъ большое вліяніе на молодого поэта. Значительное вліяніе на Боратынскаго оказали такіе классики, какъ Вольтеръ, Делавинь, Лагарпъ

и—въ особенности—элегики: Лафаръ, Парни, Мильвуа и А. Шенье. Вліяніе французской поэзіи, замѣтное въ лирикѣ перваго періода и въ „Пирахъ“, отразилось и на формѣ произведеній Боратынскаго, и на содержаніи. „Холодъ и суевѣріе французской школы“ (по выраженію барона Дельвига) пробиваются и въ посланіяхъ Боратынскаго, и въ эпиграммахъ, и въ эротическихъ стихотвореніяхъ, и въ элегіяхъ. Самая классификація по видамъ творчества говоритъ уже о вліяніи французскаго классицизма; о томъ же вліяніи говорятъ и темы мадригальной поэзіи и *poésies légères*, чуждой природѣ Боратынскаго, но объясняемая литературными традиціями времени.

Въ начальномъ періодѣ развитія поэтическаго таланта на Боратынскаго значительно повліяли и сверстники его—Пушкинъ и баронъ Дельвигъ. Вліяніе Пушкина и Дельвига заключалось не столько въ отдѣльныхъ мотивахъ, сколько въ указаніи Боратынскому новаго пути—романтическаго. Совершенствовавшійся стихъ Пушкина, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на стихъ Боратынскаго (что доказывается параллельными мѣстами и структурой стиха), точно такъ же, какъ обязанъ Боратынскій Пушкину и нѣкоторыми мотивами и развитіемъ характеровъ въ поэмахъ; но главная образующая сила вліянія Пушкина и Дельвига заключалась все же въ томъ, что они помогли Боратынскому найти самого себя. Своимъ путемъ въ лирикѣ—отъ условно-классическаго къ романтическому и къ свободной индивидуальной поэзіи—и своимъ путемъ въ поэмахъ—отъ идеализма къ реализму, Боратынскій (въ путяхъ, въ общихъ чертахъ совпадающихъ съ общимъ ходомъ современной литературы) является вполнѣ независимымъ и оригинальнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ на этотъ независимый путь въ нѣкоторой степени натолкнули Боратынскаго Пушкинъ и Дельвигъ своими произведеніями.

Отмѣтимъ также и другого рода значеніе поэзіи Пушкина: Боратынскій сознательно избѣгалъ подражаній Пушкину и, вслѣдствіе этого, шелъ своей дорогой, отличной отъ *поэтическаго* пути Пушкина.

Обращаясь къ лирикѣ Боратынскаго, къ основному пути ея—отъ условно-классическаго къ индивидуальной поэзіи, къ символизму, мы замѣчаемъ три главнѣйшихъ этапа, три періода.

Первый періодъ обнимаетъ собой время отъ 1819 по 1827 годъ (исключительно). Изданіемъ сборника своихъ стихотвореній въ 1827 году Боратынскій подвелъ итоги цѣлой полосѣ своего творчества:

переработкой своих стихотворений поэт придалъ цѣльность и законченность сборнику.

Второй періодъ занимаетъ время съ 1827 по 1835 годъ: въ 1835 году Боратынскій подвелъ вторично итогъ прошедшему, собравъ не только все (или почти все), написанное имъ послѣ 1826 года, но и включивъ въ изданіе сборникъ 1827 года, подвергшійся вновь переработкѣ.

Наконецъ третій періодъ—съ 1835 по 1842 годъ—охарактеризованъ и представленъ Боратынскимъ его послѣднею книжечкою стиховъ, вышедшею въ 1842 г. подъ заглавіемъ „Сумерки“.

Мы не касаемся другихъ двухъ періодовъ въ творествѣ Боратынскаго — подготовительнаго (до 1819 года) и заключительнаго (1842—1844 гг.), такъ какъ для сужденія о первомъ не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ; приходится догадываться о сложномъ пути поэта въ выработкѣ фактуры стиха и въ выборѣ образцовъ для подражанія по одному—другому обрывку, свидѣтельствующему о томъ, что музыкальная выразительность и пластическая точность и мѣткость стиха стоили Боратынскому очень большой работы. Что касается до творчества Боратынскаго послѣ періода, обозначеннаго имъ „Сумерками“, то смерть пресѣкла творчество поэта въ самомъ началѣ его новаго пути и дала просторное поле для догадокъ и мало данныхъ для заключеній достовѣрнаго характера.

Первый періодъ лирики характеризуется господствующимъ настроеніемъ — элегизмомъ Боратынскаго и господствующими литературными вліяніями, опредѣлившими *условность* поэзіи перваго періода. вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно въ поэзіи Боратынскаго сильное стремленіе къ освобожденію отъ „холода и суевѣрія французской школы“ и къ проявленію своей творческой индивидуальности. Это стремленіе особенно ясно обнаруживается въ переработкахъ стихотвореній при включеніи ихъ въ изданіе 1827 года: поэтъ исключалъ цѣлыми отдѣлами стихи, созданные подъ вліяніемъ его учителей и отличающіеся условно-классическимъ и мелодраматическимъ характеромъ, а также навѣянные мечтательно-сантиментальнымъ романтизмомъ.

Большая часть стихотвореній перваго періода написана поэтомъ въ Финляндіи, угрюмо-живописная природа которой наложила особый отпечатокъ на все творчество Боратынскаго и выразилась очень ярко въ его поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ.

Поэтъ любилъ природу и далъ много мастерскихъ по рисунку и краскамъ, по живописи образовъ картинъ, но рѣдко встрѣчаются

въ его произведеніяхъ картины „прекрасной весны“, когда „звучать и блещутъ небеса“, когда просыпается въ сумракѣ вѣтвей наяда и „стрясаетъ иней съ кудрей“: въ эти минуты восторги природы пробуждаютъ его духъ, но такіе моменты крайне рѣдки и мимолетны, и торжествующій мажорный тонъ всегда переходитъ въ элегическое раздумье.

Любимый пейзажъ Боратынскаго въ первомъ періодѣ — немолчный шумъ водопадовъ, борьба волнъ, утесистыя грани и черныя валы, возстающіе до небесъ. Пасмурное солнце, вѣчный шумъ сосенъ и ревъ моря питаютъ въ Боратынскомъ „безумье мрачныхъ думъ“, и въ его стихотвореніяхъ настолько гармонично цѣльно сливаются картины природы съ думами скорбнаго поэта, съ его внутреннимъ міромъ, что, съ одной стороны, оживляютъ мрачный пейзажъ, съ другой стороны — подчеркиваютъ „безумье мрачныхъ думъ“ на фонѣ „мрачнаго вида нагой природы“.

Легкій эпикуреизмъ и эротизмъ (въ большой степени — литературнаго происхожденія) находили себѣ отраженіе въ поэзіи Боратынскаго, но и въ такихъ заимствованныхъ мотивахъ поэтъ рѣдко выдерживаетъ общее легкое настроеніе: начиная говорить о радостяхъ жизни, о Купидонахъ и Лилетахъ, повторяя общія мѣста, онъ обрываетъ стихотвореніе грустнымъ видѣніемъ и грустной думой. Грустная дума Боратынскаго часто вызывается его тщетными поисками счастья, „блаженства прямого“ въ жизни. Поэтъ вѣчно тоскуетъ о счастьѣ, которое такъ же недоступно человѣку, какъ влага алчущему Танталу. Желаніе счастья въ человѣка вдохнули боги, но, вѣчно блаженныя и жестокіе, они не дѣлятся своимъ блаженствомъ съ земными дѣтьми Прометея, опредѣливъ намъ тягостный жребій: „положенный срокъ томиться болѣзненной жизнью“.

Уже въ первыхъ стихотвореніяхъ Боратынскаго прозвучалъ мотивъ о детерминизмѣ „слѣпыхъ рабовъ самовластнаго рока“, которымъ Провидѣніе дало на выборъ двѣ доли: „или надежду и волненіе, иль безнадежность и покой“.

Неясное желаніе заставляетъ насъ вѣчно порываться къ родному небу, чувство жизни, любовь къ жизни заставляетъ насъ выбирать надежду и волненіе, надѣяться на кажущееся возможнымъ счастье; но острый аналитическій умъ оспариваетъ всѣ прелести бытія и разрушаетъ „замыслы блестящіе и сердца пламенные сны“. Истина предстаетъ поэту и указываетъ ему „путь ко счастью“ — въ безстрастьѣ и суровомъ холодѣ души (т. I, стр. 52 — 53).

Драматическая коллизія чувства и разума въ душѣ поэта разрѣшилась (если только это можно назвать разрѣшеніемъ) мучительнымъ для поэта состояніемъ: колебаніями между истинами разума и непосредственностью чувства. Въ душѣ поэта совершилось неполное разувѣреніе, самое мучительное потому, что онъ не могъ отдаться власти чувства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ продолжало жить „слѣпое сожалѣніе о старинѣ“.

Голосъ безстрастной Истины проповѣдуетъ квіэтизмъ, — проповѣдь квіэтизма вытекаетъ также и изъ детерминизма: жизнь наша предначертана самовластнымъ рокомъ, мы не въ силахъ измѣнить его предначертаній. „Удѣломъ нашимъ рѣшено, какъ наслаждаться намъ прилично“, а потому мы должны покориться велѣніямъ рока и воспитывать свой духъ случайной доль сообразно:

Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ (т. I, стр. 71—72).

Второй періодъ лирики Боратынскаго характеризуется развитіемъ индивидуальной поэзіи мысли. Мысль царствуетъ во второмъ періодѣ, и идейное содержаніе стихотвореній этого времени значительно расширяется, исходя изъ того круга, въ которомъ оно вращалось въ 20-хъ годахъ. Условное, заимствованное отпадаетъ, но остаются въ полной силѣ основныя мысли перваго періода.

Быть можетъ, ни въ одномъ изъ произведеній Боратынскаго не высказалась такъ ярко и сосредоточенно пессимистическая исповѣдь детерминизма, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи 1833—1834 гг.:

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
Ель величавая стоитъ, гдѣ возросла,
Невластная сойти; небесныя свѣтила
Назначеннымъ путемъ невѣдомая сила
Влечетъ; бродячій вѣтръ неволень, и законъ
Его летучему дыханью положень.
Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
Мятежныя мечты смиримъ иль позабудемъ,
Рабы разумные, послушно согласимъ
Свои желанія со жребіемъ своимъ,—
И будетъ счастлива, спокойна наша доля.

Безумецъ! не она-ль, не вышня-ли воля
Даруетъ страсти намъ?...
О, тягостна для насъ...
Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною
И въ грани узкія втѣсенная судьбою.

И эта исповѣдь детерминизма принимаетъ во второмъ періодѣ еще болѣе мрачный характеръ трагическаго разлада разума, внушающаго „разумнымъ рабамъ“ покорно согласить „свои желанія со жребіемъ своимъ“, и чувства, не могущаго примириться съ узкими гранями, въ которыя судьба втѣснила могучія волны жизни. Въ связи съ такой мрачной теоріей о подчиненности человѣка міру явленій и слѣпому несправедливому року, Боратынскій привѣтствуетъ „разрѣшеніе всѣхъ загадокъ и цѣпей“ освободительницу смерть, замѣняющую невоздержную пестроту красокъ безпокойной жизни „однообразной бѣлизной“, и поэтъ называетъ смерть „дочерью верховнаго Ээира“ и „свѣтозарною красою“ („Смерть“ 1828, т. I, стр. 107).

Снова поэтъ устремляется за истиной и счастьемъ—и снова не находитъ счастья, а голосъ истины кажется ему тѣмъ могильнымъ голосомъ, который могъ бы принадлежать черепу, если бы сто-кратно благой законъ не запечатлѣлъ ему уста молчаньемъ. Въ 30-хъ годахъ Боратынскому иногда казалось, что онъ нашелъ истинное въ прекрасномъ: „прекрасное—истинно“—говорилъ поэтъ. Въ первомъ періодѣ Боратынскій искалъ успокоенія и награды въ области свободнаго творчества; развивая эти мысли во второмъ періодѣ, онъ думаетъ найти также истинное счастье въ области творчества, какъ въ единственной свободной области, не подверженной законамъ слѣпорока. И поэтъ уходитъ въ этотъ свѣтлый, прекрасный, истинный и свободный міръ и говоритъ:

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье,
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупить заблужденіе
И укротить бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницей своей. (т. I,
стр. 131—132).

Освобожденный отъ порывовъ страстей, поэтъ узрѣлъ „огромный очеркъ поэтического міра“ —

И жизни даровать, о лира!

Твое согласье захотѣлъ. (т. I, стр. 119—120).

Вслѣдствіе того, что поэтъ нашелъ міръ, въ которомъ „обмановъ сердцу нѣтъ“, мрачные и скорбные напѣвы его музы являются не исключительными въ это время. Въ мірѣ явленій царить „свобода глупости и зла“, но онъ спасается отъ этого міра на чудесномъ коврикѣ—самолетѣ („Бѣсенокъ“, т. I, стр. 104).

Между тѣмъ слишкомъ всевластна „посторонняя суета“, и, врываясь въ поэтическій міръ, суета разрушаетъ „мгновенныя созданья поэтической мечты.“ И снова грусть охватываетъ поэта, вызывая сомнѣнія въ „чудномъ градѣ“ искусства: прекрасное, казавшееся ему истиннымъ, свободное творчество въ искусствѣ представляется ему всего на всего „игрой златой“, и поэтъ почти отказывается отъ творчества („Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ“, т. I, стр. 121).

Такъ постепенно обезцѣнивались въ глазахъ поэта - мыслителя всѣ цѣнности жизни.

Мысль является доминирующимъ началомъ въ творествѣ Боратынскаго, мысль является источникомъ дисгармоніи міра и несчастья человѣка, и въ третьемъ періодѣ творчество Боратынскаго ознаменовано борьбой съ мыслью, стремленьемъ къ *преодолѣнію мысли*, стремленьемъ къ тому, чтобы противопоставить мысли — откровеніе.

Трагедіей одиночества, разладомъ съ современною жизнью и ея интересами открываются „Сумерки“, и этимъ разладомъ окрашивается весь послѣдній періодъ въ лирикѣ Боратынскаго, и обуславливаются другіе разлады въ душѣ поэта. „Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ“, и въ этомъ желѣзномъ вѣкѣ *ненужна* звучная пѣсня Генія, *ненуженъ* даръ „питомца Аполлона“ — *безполезный* даръ.

И творчество, и жизнь обезцѣнены въ глазахъ поэта, которому порой кажется, что „жизнь и волненіе одно“, что жизнь дана для безцѣльнаго волненія, а искусство является игрушкою для тѣхъ, кого миновали общія смуты, и кто „заботу самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ“ („Мудрецу“, т. I, стр. 160). Искусство

бессильно и потому, что оно не въ состояніи измѣнить пути желѣзнаго вѣка, и потому, что нельзя передать „внутренней своей“ — „земному звуку“.

Едва ли не всѣ особенности лирики Боратынскаго третьяго періода проявились въ его „Осени“. Въ „Осени“ выразился наиболее ярко не только поэтъ-мыслитель, но и поэтъ-художникъ, неразрывно связанный съ первымъ. Въ этомъ стихотвореніи — лирической поэмѣ замѣчательны не только сила выражений и богатство образовъ, не только смѣлою кистью написанныя картины, но и глубокой символизмъ ихъ, гармоническое сліяніе картинъ природы съ душевнымъ состояніемъ человѣка. Въ лирической поэмѣ Боратынскаго символически слиты двѣ осени: осень природы, когда „сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ, и лучъ его въ зеркалѣ зыбкомъ водъ невѣрнымъ золотомъ трепещетъ“, когда „сѣдая мгла віется вокругъ холмовъ“, — и осень человѣка, когда „неодолимый свѣтъ“ разгоняетъ всѣ призраки, обнажая „язвительный неотразимый стыдъ“ обмановъ и обидъ души оратая жизненнаго поля. Безотраднѣйшій исходъ „Осени“, глубокая тоска, слышится въ очень многихъ стихотвореніяхъ Боратынскаго третьяго періода, но ни въ одномъ изъ нихъ не достигаетъ той степени страшной обнаженности, какъ въ его мрачномъ гимнѣ безнадежности — „На что вы дни“, въ которомъ грядущее

Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ канетъ —
Вѣнецъ пустого дня! (т. I, стр. 159).

Наиболѣе ярко обозначился въ третьемъ періодѣ и разладъ между голосомъ разума и непосредственнымъ чувствомъ, разладъ, составляющій основу всей скорбной поэзіи Боратынскаго, но углубляющійся и обостряющійся въ особенности къ 40-мъ годамъ, когда поэтъ готовъ былъ проклинать торжество мысли, разрушающей призраки чувства и мечты. Мысль исключаетъ, по мнѣнію Боратынскаго, все живое; мысль является источникомъ дисгармоніи человѣка и природы, мысль разрушаетъ „чудный градъ“ искусства, мысль уничтожаетъ чувство и подымаетъ покровъ съ сокровеннаго, обнажаетъ правду, лишаетъ жизнь красочности, является слишкомъ трезвой на праздникъ жизни. Даръ насмѣшливо торжествующаго

ума—„мертвящій душу хладъ“. Предъ острымъ лучомъ—мыслью— „блѣднѣетъ жизнь земная“.

Изъ этой трагедіи, изъ коллизіи между хмѣлемъ жизни и острымъ лучемъ мысли не можетъ быть никакого исхода, потому что, кто увидѣлъ правду безъ покрова, тотъ не можетъ принимать участія на праздникѣ жизни и удовлетворяться только чувственнымъ искусства, не ступая за его грань. Мысль и чувство до конца остаются непримиренными въ творествѣ Боратынскаго.

Но есть другой исходъ: подчинить и мысль и чувство одному высшему началу. И Боратынскій пытается опереться одной пятой своей на живую вѣру откровенія, зная, что въ этомъ случаѣ онъ неуязвимъ для безжалостнаго, нагого меча мысли. И поэтъ начинаетъ въ своемъ творествѣ внимать „въ весельи и тиши лучамъ небесъ раскрывшейся души“, и хотя предчувствуетъ утоленное разумѣніе въ признательномъ смиреніи передъ оправданнымъ Промысломъ, не падаетъ ницъ, такъ какъ въ немъ еще силенъ ропотъ, и душевный разладъ не находитъ себѣ примиренія. Поэтъ—крылатый вздохъ, какъ недоносокъ, носится межъ землей и небесами, и не дано ему завистливой судьбою провидѣніе небесъ („Недоносокъ“, т. I, стр. 143). И такъ же остро сознаетъ поэтъ разладъ неба и земли, какъ сознавалъ разладъ ума и чувства, какъ сознавалъ разладъ между собой и новымъ поколѣніемъ. Заключительные стихи „Недоноска“—„Въ тягость роскошь мнѣ твоя, о безсмысленная вѣчность!“—свидѣтельствуютъ о томъ, что долго не стихала тревога духа въ поэтѣ.

Въ 1842 году выпустилъ поэтъ свои „сумерки“ души, и приѣмъ, оказанный его „Сумеркамъ“, заставилъ его еще больнѣе и острѣе почувствовать свое одиночество среди „новыхъ племенъ“, къ которымъ онъ летѣлъ душою, но которыя не захотѣли или не смогли понять сумеречнаго поэта-пессимиста.

Въ 1844 году начинается новая весна въ творествѣ Боратынскаго: „Молитвой“ (первымъ стихотвореніемъ этого года) начинается разрѣшеніе разладовъ, мучительныхъ для поэта въ теченіе всей его жизни. Смерть пресѣкла новый путь развитія творческой думы поэта, и всѣ поднятые имъ вопросы остались неразрѣшенными и глубоко скорбными передъ новыми поколѣніями, передъ тѣми читателями, которыхъ нашелъ Боратынскій въ потомствѣ.

Совсѣмъ особое мѣсто занимаютъ въ творествѣ Боратынскаго поэмы. Въ поэмахъ своихъ Боратынскій шелъ особеннымъ путемъ, то подчиняясь литературнымъ традиціямъ, то опережая свой литературный вѣкъ. Своимъ путемъ въ поэмахъ — *отъ идеализма къ реализму*—Боратынскій въ большой степени зависѣлъ отъ господствовавшаго романтическаго направленія съ его двумя тенденціями—идеалистической и реалистической. Русскій романтизмъ исходилъ изъ идеализма и классицизма, какъ изъ даннаго, и, противопоставляя себя классицизму, въ стремленіи своемъ имѣлъ реалистическую тенденцію. Такое же стремленіе находимъ мы и въ поэмахъ Боратынскаго: поэтъ стремится создать *реалистическую повѣсть* вмѣсто господствовавшей формы новой байроническо-романтической поэмы.

Въ настоящемъ краткомъ этюдѣ мы и ограничимся разсмотрѣніемъ „повѣстей“ Боратынскаго, исключивъ изъ обзора другія крупныя произведенія, которыя поэтъ называлъ „поэмами“ и „сказками“. Къ поэмамъ Боратынскій относилъ „Воспоминанія“, „Пирѣ“ и „Вѣру и невѣріе“, къ сказкамъ—„Телему и Макаръ“ и „Переселеніе душъ“; остальные же крупныя произведенія — „Эду“, „Баль“ и „Наложницу“—„Цыганку“ — поэтъ называлъ „повѣстями“. Поэма „Воспоминанія“, задуманная по образцу классическихъ французскихъ произведеній, осталась незаконченной; незаконченной осталась и другая поэма—„Вѣра и невѣріе“, свидѣтельствующая объ исканіи поэтомъ новыхъ формъ и объ его духовной тревогѣ; „Пирѣ“, по родству этой поэмы съ французскими и русскими образцами, можно скорѣе назвать посланіемъ къ друзьямъ, чѣмъ поэмой.

Изъ сказокъ Боратынскаго первая — „Телема и Макаръ“ — является переводной (изъ Вольтера), а фантастическій сюжетъ второй („Переселенія душъ“) въ большой степени навѣянъ романтической фантастикой времени. Замѣтимъ, однако, что за „веселымъ вздоромъ“ сказки можно увидѣть и болѣе глубокія мысли поэта, задумавшагося надъ враждою чувствъ между собою.

Въ предисловіи къ первой своей повѣсти Боратынскій говорилъ: „Можетъ быть, повѣсть его была бы занимательнѣе . . . ежели бы ходъ ея не былъ столько обыкновененъ, однимъ словомъ, ежели бы она въ себѣ заключала болѣе поэзіи и менѣе мелочныхъ подробностей Сочинитель могъ ошибиться; но ему казалось, что въ поэзіи двѣ противоположныя дороги приводятъ почти къ той же цѣли: очень необыкновенное и совершенно

простое, равно поражая умъ и равно занимая воображеніе. Онъ не принялъ лирическаго тона въ своей повѣсти, не осмѣливаясь вступить въ состязаніе съ пѣвцомъ Кавказскаго Плѣнника и Бахчисарайскаго Фонтана. Поэмы Пушкина не кажутся ему бездѣлками. Нѣсколько лѣтъ занимаясь поэзіею, онъ замѣтилъ, что подобныя бездѣлки принадлежатъ великому дарованію, и слѣдовать за Пушкинымъ ему показалось труднѣе и отважнѣе, нежели итти новою, собственною дорогою“. Еще неясное признаніе реализма въ предисловіи къ „Эдѣ“ получило свое развитіе въ предисловіи къ „Наложницѣ“, въ которомъ рѣализмъ является торжествующимъ. Сравнивъ въ хронологическомъ порядкѣ поэмы Боратынскаго „Эду“, „Баль“ и „Наложницу“, можно съ увѣренностью вывести заключеніе о „новой собственной дорогѣ“ Боратынскаго, по которой онъ пошелъ, и которая привела его къ созданію реалистической повѣсти.

Наиболѣе идеалистическо-романтической поэмой является первая его „финляндская повѣсть“—„Эда“.

Несмотря на то, что въ предисловіи своемъ поэтъ говоритъ о новомъ, независимомъ отъ Пушкина и романтической поэмы пути, въ „Эдѣ“ обнаруживается несомнѣнная зависимость отъ байроническо-романтической поэмы. Заявивъ въ предисловіи, что „онъ не принялъ лирическаго тона въ своей повѣсти“, въ развитіи самой повѣсти Боратынскій не могъ отказаться отъ него, и выраженіе грустнаго лирическаго чувства поэта поминутно прерываетъ спокойный рассказъ, создавая музыкальное идеалистическо-романтическое освѣщеніе, въ которомъ доминируетъ задумчиво-грустный тонъ, и въ которомъ отражается душа поэта, не безучастная къ душевному горю „своей Эды“.

Въ связи съ общимъ идеалистическимъ освѣщеніемъ поэмы, созданіе характеровъ въ „Эдѣ“ отличается также, если такъ можно выразиться, идеалистической манерой.

Передъ нами, на фонѣ финляндской жизни, дѣйствуютъ два „героя“: онъ—гусарь-соблазнитель—и она—жертва гусара, простая финляндская дѣвушка. Немного знаемъ мы о „злодѣѣ“ гусарѣ; Боратынскій сильно сгущаетъ краски, когда говоритъ о „коварномъ искуствѣ“ гусара, но образъ злодѣя-гусара, еще болѣе неопредѣленный, чѣмъ образъ Кавказскаго плѣнника (которымъ онъ, быть можетъ, навѣянъ), остается неяснымъ. Немногимъ болѣе развитъ образъ Эды, въ характеристикѣ которой на первый планъ

выступаетъ идеализація героини: невинность, чистота, ясность души, чувствительность—вотъ та краса души, какой „блистала Эда молодая“. Такъ Пушкинъ, идеализируя, создавалъ свою черкешенку въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“, Марію въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, Марію въ „Полтавѣ“, такъ Байронъ создавалъ свои прекрасные женскіе образы... Зависимость „Эды“ отъ романтической поэмы еще въ большей степени сказалась въ новомъ творческомъ принципѣ романтической школы: въ соблюденіи мѣстнаго колорита, въ извѣстномъ *couleur locale*, которымъ окрашивалась поэма. Рядомъ съ кавказскимъ колоритомъ „Кавказскаго Пльнника“, съ колоритомъ „Тавриды“ „Бахчисарайскаго фонтана“,—долженъ быть поставленъ „финляндскій“ колоритъ повѣсти „Эда“. Общее у „Эды“ съ „Кавказскимъ Пльнникомъ“ и другими романтическими произведеніями сказалось и въ томъ, что мѣстный бытъ оставался въ тѣни, главное же вниманіе поэта-живописца было обращено на природу, на фонѣ которой развивается дѣйствіе поэмы. И въ „Эдѣ“ финляндская жизнь, бытъ съ его мѣстнымъ колоритомъ, почти отсутствуетъ, очерченный едва замѣтно однимъ-другимъ штрихомъ, но финляндская природа написана такими живыми красками, съ такимъ богатствомъ сочетаній и разнообразіемъ оттѣнковъ, что одной своей „Эдой“ поэтъ заслуживалъ имя лучшаго пѣвца Финляндіи и заставлялъ забывать о своемъ учителѣ, первомъ пѣвцѣ Финляндіи—о Батюшковѣ.

Зависимость Боратынскаго отъ романтической поэмы несомнѣнна, и первая его повѣсть была, конечно, въ большей степени идеалистической, нежели реалистической, но также несомнѣнно, что Боратынскій былъ вполнѣ оригиналенъ, и что обиліе мелочныхъ подробностей и жизненная правдивость давали тѣнь подобія реалистической повѣсти.

Дальнѣйшимъ шагомъ Боратынскаго отъ идеализма къ реализму была его вторая повѣсть въ стихахъ—„Балъ“, вышедшая въ свѣтъ (въ 1828 году) вмѣстѣ съ „Графомъ Нулинымъ“ Пушкина. „Балъ“ не обладаетъ такимъ лирическимъ характеромъ, какъ „Эда“; поэтъ рѣдко высказываетъ свои симпатіи къ героямъ, предоставляя имъ свободно говорить за себя, и въ этомъ отношеніи „Балъ“ болѣе приближается къ реалистической повѣсти. Въ то же время „Балъ“ гораздо богаче „Эды“ разнообразіемъ тоновъ и красочностью отдѣльныхъ частей и картинъ, подчиненныхъ общей гармоніи. Совершенствою стихъ Боратынскаго, полный музыкальнаго чувства,

роскошной нѣги и поэтической опредѣленности, наглядности, рѣзко вычерчиваетъ эти отдѣльныя картины, поражавшія современныхъ читателей. Таковы описанія бального вечера, героини, стоящей передъ трюмо и собирающейся на балъ, ночи у Нины въ спальнѣ, смерти Нины... Но если въ подобныхъ сценахъ замѣтна какая-то музыкально-живописная роскошь и нѣкоторая, истинно-художественная, романтическая приподнятость тона, то въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ чисто реалистическія и натуралистическія описанія, и, среди поэтической нѣги, такія описанія еще рѣзче выдѣляются и говорятъ о новой манерѣ художника. Боратынскій вводитъ въ свою повѣсть художественно воссоздаваемую реальную обстановку и, не пренебрегая никакими средствами языка, смѣшивая поэтическія описанія съ прозою жизни, говоритъ о „желудочной тоскѣ“ поэта, скропавшаго на смерть княгини стишки, о князѣ, который характеризуется всего двумя стихами:

Мужъ, не весьма сантиментальный,
Сморкаясь громко, входитъ князь.

Не вводя въ нашъ очеркъ элемента оцѣнки, замѣтимъ только что описанія „Бала“ гораздо богаче (не говоримъ—выше) и разнообразнѣе „Эды“. „Эда“, въ сравненіи съ „Баломъ“, представляется идилліей или, лучше сказать, элегіей, происходящей на лонѣ природы, тогда какъ въ „Балѣ“ поэтъ перенесъ человѣческую трагедію въ житейскую обстановку и тѣмъ самымъ сообщилъ этой трагедіи бѣольшую жизненную убѣдительность.

Особенно приблизился Боратынскій къ реализму въ изображеніи характеровъ. Въ этомъ отношеніи независимо и оригинально развивавшійся поэтъ шелъ рука объ руку со своимъ литературнымъ вѣкомъ, создавшимъ сложный образъ Евгенія Онѣгина, имѣющій много родственно-общаго съ героями Боратынскаго въ „Балѣ“ и въ „Наложницѣ“. Въ созданіи характеровъ „Балъ“ предваряетъ „Наложницу“, въ которой мы встрѣчаемъ тѣ же характеры, но съ бѣольшимъ психологическимъ развитіемъ.

Драматическій элементъ и психологическій реализмъ сильны въ повѣсти „Балъ“, которая и была понята современниками, какъ драма характеровъ, живо списанныхъ съ природы наблюдателемъ—художникомъ. Такое пониманіе повѣсти Боратынскаго должно быть нѣсколько исправлено, но не подлежитъ сомнѣнію, что „Балъ“ съ

гораздо большимъ правомъ можетъ быть названъ реалистической повѣстью, чѣмъ „Эда“.

„У меня въ пальцахъ новая ультра-романтическая поэма“, писалъ Боратынскій Кирѣевскому о своей послѣдней повѣсти „Наложница“. И поэма Боратынскаго является дѣйствительно ультра-романтической, понимая подъ этимъ то крайнее направленіе романтизма, которое стремилось къ реализму и натурализму.

Послѣдняя повѣсть Боратынскаго, не отличаясь лирической увлекательностью „Эды“ и роскошнымъ импрессионизмомъ „Бала“, въ которомъ еще силенъ лиризмъ, является самымъ совершеннымъ произведеніемъ Боратынскаго въ томъ смыслѣ, что ни въ одномъ изъ произведеній его не проявилось въ такой мѣрѣ разнообразныхъ сторонъ таланта поэта, использовавшаго всѣ свои лирическія и драматическія тональности и языковыя средства. Въ „Наложницѣ“ какъ будто господствуетъ подлинно бытовая, жизненная проза, житейская „низкая природа“. вмѣстѣ съ тѣмъ живопись „Наложницы“ гораздо богаче пестраго сора Фламандской школы, и сейчасъ же послѣ описанія слѣдовъ ночного пиროванья (въ началѣ первой главы), послѣ „кабака“ и „жирныхъ тарелокъ“, поэтъ рисуетъ такую картину, представившуюся Елецкому:

Предъ нимъ, свѣтло озарена
Наставшимъ утромъ, ото сна
Москва торжественно вставала (т. II, стр. 84).

Гораздо болѣе широко пользуется поэтъ въ „Наложницѣ“ и діалогомъ, при чемъ каждое дѣйствующее лицо говоритъ особеннымъ, свойственнымъ его характеру, языкомъ. Эта наглядность, объясняемая реалистическими тенденціями, способствуетъ большей яркости характеристики героевъ повѣсти. Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи языкъ цыганки—наложницы Елецкаго: „Къ тебѣ я, злобному, ласкалась, какъ собаченка“ . . . „Лице завяло, грудь изсохла, я только, только что не сдохла! . . . “ и т. д. Особеннымъ, своимъ языкомъ говоритъ и Елецкій, краснорѣчиво убѣждающій и какъ бы гипнотизирующій Вѣру. Наименьшей яркостью обладаетъ языкъ Вѣры, но блѣдностью отличается и самый образъ романтической дѣвушки, созданный Боратынскимъ. Образъ Вѣры потому, можетъ быть, менѣе и удался, что онъ менѣе привлекалъ вниманіе поэта, сосредоточившагося на драмѣ Елецкаго и цыганки Сары.

Вѣра играетъ такую же второстепенную роль, какую играла въ „Балѣ“ Ольга (о которой только упоминалось въ повѣсти); въ „Наложницѣ“ Боратынскій болѣе развилъ это второстепенное лицо и тѣмъ самымъ не только оживилъ свою повѣсть, но и многое уяснилъ въ характерѣ и въ дѣйствіяхъ своего главнаго героя. Въ общихъ чертахъ главные герои „Наложницы“—Елецкій и Сара—напоминаютъ героевъ „Бала“—Арсенія и княгиню. Елецкій и Арсеній носятъ на себѣ слѣды печальныхъ размышленій и, недюжинныя натуры, порываютъ связь съ обществомъ, изъ котораго они выдѣляются головой (тема романтической поэмы); сосредоточенность и мрачность—такія же основныя черты ихъ внѣшняго облика, какъ у Сары и княгини общая основная стихія, порабощающая ихъ и сливающая всѣ мысли ихъ въ мысль одну—страстность демоническаго характера, толкающая ихъ на преступленіе. Сравненіе героевъ и драматической интриги можетъ итти дальше: внѣшне холодные, мрачные, съ преждевременно убитой душой,—и Арсеній, и Елецкій „въ глубинѣ своей души“ были богаты чувствами и, среди своихъ порочныхъ заблужденій, таили въ себѣ возможность духовнаго возрожденія и просвѣтленія души. Такъ была задумана и „Эда“, въ которой, по первоначальной редакціи (дошедшей до насъ только въ отрывкахъ), гусарь, нравственно возрожденный чистой любовью Эды, спѣшитъ къ ней съ тѣмъ, чтобы начать новую жизнь. . . .

Смѣшанный характеръ Елецкаго, провозглашеннаго со всѣхъ сторонъ „чудовищемъ“, составилъ изъ свѣта и тѣни, и рѣшительный глава буяновъ и повѣсь,

Среди пороковъ,
Кипѣвшихъ роемъ вокругъ него,
И ядовитыхъ ихъ уроковъ,
И омраченья своего,
Въ душѣ сберегъ онъ чувства пламя. (т. II, стр. 89—90).

Главнымъ омраченіемъ души Арсенія и Елецкаго была страстность, представшая имъ въ образѣ княгини Нины и цыганки Сары. Искупительной, очистительной жертвой отъ омраченія души является чистая любовь Ольги (въ „Балѣ“) и Вѣры (въ „Наложницѣ“). Въ драмѣ демонической героини повѣсти „Балѣ“ Нина погибаетъ отъ своей страстности; драма же Арсенія не доразсказана и превращается въ идиллію. Въ „Наложницѣ“ мы имѣемъ три драмы: драму Елец-

каго, заплатившаго жизнью за свой союзъ съ демоническою страстью, драму жертвы—Вѣры, вызвавшей къ возрожденію омраченную душу Елецкаго, и драму страстной цыганки, павшей жертвой своей исключительной и преступной любви. Не будемъ касаться вопроса о томъ, насколько психологически обоснованы всѣ трагическіе исходы драмъ, высказавъ только предположеніе, что судьей своихъ героевъ является художникъ - моралистъ, которому необходимо было провести въ своей повѣсти идею возмездія, но отмѣтимъ эту идею возмездія, присутствующую и въ „Балѣ“ и въ „Наложницѣ“—въ повѣстяхъ, имѣющихъ между собою много точекъ соприкосновенія.

Замѣтимъ, что поэмы (или, какъ авторъ ихъ называлъ, повѣсти) Боратынскаго не пользовались успѣхомъ среди современниковъ и слѣдующихъ поколѣній: въ то время, когда возникала и постепенно развивалась реалистическая повѣсть Боратынскаго, реалистическія тенденціи въ общемъ были чужды читателямъ и критикѣ; въ то же время, когда реалистическая повѣсть получила полное признаніе, повѣсти Боратынскаго, тѣсно связанныя съ современными романтическими и идеалистическо-лирическими приѣмами, отошли уже въ область прошлаго и стали какъ бы анахронизмомъ.

Поэзія Боратынскаго обладаетъ „необщимъ выраженіемъ“; индивидуальный характеръ поэзіи Боратынскаго сказался ярко и рѣзко въ его скорбныхъ, сосредоточенныхъ думахъ и пессимистическомъ міросозерцаніи. Такое же „необщее выраженіе“ имѣютъ и внѣшнія черты музыки поэта—форма его произведеній, тѣсно слитая съ его думами и вмѣстѣ съ ними составляющая неразрывную и рѣзко особенную индивидуальность поэзіи Боратынскаго.

Въ способахъ поэтического созданія, въ приѣмахъ Боратынскій также „не тащился по слѣдамъ свой вѣкъ увлекающаго генія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ также зависѣлъ отъ господствовавшихъ формъ выраженія, исходя изъ даннаго круга литературныхъ традицій и воздѣйствій литературнаго времени и постоянно стремясь къ освобожденію отъ условно-классическихъ и романтическихъ образцовъ и къ проявленію своей творческой независимости.

Первый періодъ лирики и эпики Боратынскаго ознаменованъ вліяніемъ французскаго суевѣрія и новой русской поэзіи Батюшкова и Жуковскаго. Это вліяніе сказалось весьма сильно и на

формъ произведеній Боратынскаго съ ихъ подраздѣленіями на различные виды: посланіе (необходимое условіе — александрійскій стихъ), эпиграмма (*bon mot de deux rimes orné*), элегія, стихотворенія на случай, мадригалы (обиліе мифологическихъ именъ), описательная поэма и т. д. и т. д.

Отъ условнаго подраздѣленія по видамъ творчества Боратынскій переходитъ къ свободной лирической и реалистической повѣсти, на развитіи которой сказалось новое вліяніе Пушкина, и къ стихотвореніямъ—думамъ: то, къ небольшимъ по объему, антологическимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ передается „полное ощущеніе данной минуты“, то къ распространеннымъ элегіямъ и одамъ, *лирическимъ поэмамъ* („Осень“, „Послѣдній Поэтъ“...), въ которыхъ поэтъ свободно и широко развиваетъ свою мысль въ художественно значительныхъ и законченныхъ картинахъ.

Боратынскій учился фактурѣ стиха у Батюшкова, но въ дальнѣйшемъ поэтъ свободно развивалъ воспринятые имъ отъ Батюшкова приемы, которые чрезъ то получили своеобразную окраску, рѣзко индивидуальную, по которой можно назвать творца - ученика. Пояснимъ сказанное нами однимъ примѣромъ—приемомъ, заимствованнымъ Боратынскимъ у Батюшкова.

Батюшковъ особенно любилъ приемъ гармонической періодизаціи стиховъ и мыслей повтореніемъ одного и того же слова (часто связи), преимущественно въ началѣ стиха (единоначатіе). Повтореніемъ одного и того же слова или словъ съ одинаковыми корнями постоянно пользуются и Батюшковъ, и Пушкинъ, и поэты Пушкинской эпохи, но ни у кого, можетъ быть, этотъ приемъ не получаетъ такого своеобразнаго развитія, какъ у Пушкина и Боратынскаго. Вслѣдствіе этого, фактура стиха Пушкина и Боратынскаго часто бываетъ близкой, родственной, но мы находимъ такіе оттѣнки въ пользованіи этимъ приемомъ, которые позволяютъ различать стихъ Пушкина и стихъ Боратынскаго, какъ два различныхъ стиха, своеобразныхъ и независимыхъ одинъ отъ другого.

Боратынскій очень часто (чаще Пушкина) прибѣгаетъ къ единоначатію, разнообразя этотъ приемъ повтореніемъ не только союзовъ и нарѣчій, не повтореніемъ связи (какъ, лишь, гдѣ, и и т. д.), а и существительныхъ—образовъ и прилагательныхъ—окраски образовъ. Въ то же время Боратынскій широко пользуется этимъ приемомъ и въ серединѣ стиха, достигая имъ музыкальнаго равновѣсія частей стиха, и соединяетъ имъ цѣлые отдѣлы стиховъ, создавая своеобраз-

ную строфичность музыкальной периодизацией, совпадающей с периодизацией интеллектуального содержания стихотворения. Изъ этого же приема истекаетъ и особенность стиха, которой поэтъ пользуется въ цѣляхъ музыкальной и образной совокупности, подчеркивая образъ повтореніемъ одного и того же эпитета, употребленнаго въ согласіи съ опредѣляемымъ словомъ (предѣльный предѣлъ) или же въ контрасть съ образомъ (въ безпредѣльномъ предѣлѣ). Вслѣдствіе этого стихъ Боратынскаго пріобрѣтаетъ особенную и разнообразную музыкальную мелодію (чередованіе звуковъ) и гармонію (соразмѣрность музыкальныхъ частей и аккордъ звуковъ), при чемъ рѣзко проступаютъ контуры музыкальнаго рисунка и четко передаются оттѣнки мысли поэта.

Приведемъ примѣры разнообразнаго примѣненія этого приема, заимствованнаго у Батюшкова, но получившаго въ поэзіи Боратынскаго своеобразное развитіе и своеобразные развѣтвленія и оттѣнки.

Непостоянство примѣчаю;

Но *постоянно* ты мила (т. I, стр. 3).

Все можно *возвратить*,—мечтанья не *возвратны* (т. I, стр. 7).

Летитъ на голосъ славы бранной.

Иди!—воинственный нарядъ

Приличень юности отважной.

Люблю я пушекъ гуль протяжный,

Люблю красивый вахтпарадъ,

Люблю питомцевъ шумной славы.

Смотри,—сомкнулись въ бранный строй;

Идутъ!—блестящей полосой

Горятъ ихъ шлемы величавы,—

Идутъ. Вскипѣлъ кровавый бой!

Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной,

Летящихъ въ пламень роковой...

Зовутъ!—*лети* въ опасный путь (т. I, стр. 9).

Родная хата, край *родной*. (стр. 10)

Но я, въ безвѣстности для *жизни жизнь* любя,

Могу-ль себя томить гадательной тоскою?

Пусть все разрушится, *пусть все* умретъ со мною:

Не *вѣчный* для временъ, я *вѣченъ* для себя.

Златые призраки, *златяя* сновидѣнья...

За звуки звуками, а за мечты мечтами. (стр. 17—18).

Одно-ль веселье веселитъ? (стр. 19).

Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ (стр. 20).

Когда-бъ вы менѣе прекрасной

Случайно слыли у Москвы;

Когда бы прелестью опасной

Не столь опасны были вы...

Когда-бъ еще сей голосъ нѣжный

.....

Когда бы больше мнѣ на долю (стр. 47)

На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,

Что просить у сердца отвѣта:

Крылатою мыслью онъ мѣръ облетѣлъ,

Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ...

И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ сполна

Все долное долу отдавшій... (т. I, стр. 123) и т. д. и т. д.

Что касается до музыкальнаго ритма стихотвореній Боратынскаго, то и въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ постепенное освобожденіе поэта отъ литературныхъ традицій. Въ первомъ періодѣ Боратынскій рѣдко пользуется разнообразными размѣрами, предпочитая столь распространенный тогда четырехстопный ямбъ, соединяя его часто съ 6-ти-стопнымъ и изрѣдка съ двухстопнымъ или трехстопнымъ ямбами; рѣдко вводитъ поэтъ другіе размѣры (хорей и амфибрахій—больше какъ исключенія) и только для посланій пользуется александрійскимъ стихомъ, звучащимъ у него большею частью тяжеловѣсно.

Ямбъ остается и на всю жизнь излюбленнымъ размѣромъ Боратынскаго, соответствующимъ сосредоточенности его мысли, но становится неузнаваемымъ и безконечно разнообразнымъ, благодаря новымъ ритмическимъ сочетаніямъ пэоновъ. Въ послѣдствіи поэтъ особенно часто употребляетъ пятистопный ямбъ, а въ концѣ своей поэтической дѣятельности и хорей; слѣдуетъ отмѣтить также граціозное движеніе и живость короткихъ стиховъ, въ которыхъ Боратынскій какъ бы играетъ пэонами. Таковы, на примѣръ, ямбическіе пэоны въ стихотвореніи „Гдѣ сладкій шопоть“, (т. I, стр. 136—137), въ которомъ они способствуютъ передачѣ шопота. Своеобразны и двухстопные амфибрахіи (съ дактилическими окончаніями) въ „Лазурныхъ очахъ“ (т. I, стр. 117), съ склонностью къ пэонамъ и т. д.

Силу, значительность ритма, какъ могучаго, не только музыкальнаго, орудія поэта, Боратынскій прекрасно сознавалъ и въ этомъ отношеніи не переставалъ работать, совершенствуя музыкальную форму своихъ произведеній и доводя ритмическую выразительность до той степени силы, какую она имѣетъ въ его „Послѣднемъ Поэтѣ“ (т. I, стр. 140—142),—въ чередованіи строфъ пятистопныхъ ямбовъ со строфами четырехстопныхъ хореевъ:

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи младенческіе сны,
И не о ней хлопчуть поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Несмотря на сравнительное однообразіе размѣровъ, которыми пользуется поэтъ, ритмика Боратынскаго является одной изъ самыхъ разнообразныхъ и интересныхъ въ русской поэзіи XIX вѣка.

Не менѣе богаты и интересны риѣмы Боратынскаго. Поэтъ почти не писалъ бѣлыми стихами, и исключеніе мы находимъ только въ 6-ти стихотвореніяхъ.

Рѣдко употреблялъ поэтъ дактилическія риѣмы (въ двухъ стихотвореніяхъ), ограничиваясь мужскими и женскими, но въ этомъ ограниченіи мы находимъ и большое разнообразіе, и богатство неожиданныхъ, рѣдкихъ и полновѣсныхъ риѣмъ. Словарь риѣмъ Боратынскаго безконечно обширенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ почти отсутствуютъ глагольныя риѣмы: такъ, на примѣръ, на 117 стихотвореній перваго періода мы встрѣчаемъ 39 вовсе безъ глагольныхъ риѣмъ, и среди этихъ стихотвореній находятся такія боль-

шія пьесы, какъ „Финляндія“ (т. I, стр. 16—18) и „Родина“ (I, стр. 21—23). Замѣтимъ, что поэтъ въ равной степени во всѣхъ періодахъ избѣгаетъ глагольныхъ риѣмъ и заботится о богатствѣ риѣмы, но наиболѣе рѣдкія и интересныя риѣмы мы находимъ въ послѣднихъ періодахъ его творчества (привѣчу—навстрѣчу; Рима—зрима; бѣсенокъ—побасенокъ; персты — полуотверсты; землю—подъемлю; воображенье—броженье; вѣтромъ — метромъ; Зоиломъ—кадиломъ; урны—Ливурна; Кондотьери—потери и т. д.).

Значительно усиливается музыкальность поэзіи Боратынскаго введеніемъ аллитерацій и ассонансовъ, передающихъ иногда не только слуховую, но и зрительную картинность. Ограничимся указаніемъ двухъ-трехъ случаевъ приѣма, которымъ Боратынскій очень часто пользуется:

Такъ сладко, складно пѣло мнѣ (т. I, стр. 166).
Но предо мной, сокрытый ровъ изрывъ
Свои рога...

И рядомъ аллитерація плавнаго л:

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колосъ;
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ имъ подавалъ я голосъ. (т. I, стр. 168)

Отмѣтимъ также звуковую картину въ „Наложницѣ“:

Невнятнымъ стукомъ пораженъ
Кареты дальной, вспыхнетъ духомъ,
Вскочивъ къ окну, приникнетъ ухомъ:
Они!... Неправда! Стихнулъ гулъ
Иль въ переулокъ повернулъ.
Вотъ наконецъ предъ самымъ домомъ
Карета покатила съ громомъ;
Затрясся, зазвенѣлъ весь домъ... (т. II, стр. 97)

Особенно замѣчательны и рѣзко, ярко индивидуальны поэтической языкъ Боратынскаго, языкъ образовъ. Въ произведеніяхъ своихъ Боратынскій рѣдко пользовался сравненіями, предпочитая имъ смѣлыя метафорическія сближенія и олицетворенія. Начальный періодъ творчества Боратынскаго изобилуетъ образами, но эти образы часто являются и навѣянными, и элегически монотонными:

„осень дней“, „утро дней“, „весна дней“, „весна любви“, „болѣзнь духа“, „печаль души“, „слѣпая тоска“ и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ въ двадцатыхъ годахъ мы встрѣчаемъ и такіе богатые образы, какъ „пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній“, „дымная бездна“ или сила непріязненная, которая „горами влажными на землю гонитъ море“.

Впослѣдствіи Боратынскій гораздо смѣлѣе въ выборѣ яркихъ метафорическихъ образовъ и говоритъ о „невѣрномъ золотѣ“, о „торжествующемъ хребтѣ“, о перунахъ, въ которыхъ спитъ судьба, о „широкихъ лысинахъ безсилья тощей земли“ и „золотыхъ класахъ обилья“, о „зернахъ думъ“, о раскованной мечтѣ и т. д. и т. д.

Преобладаніе такихъ метафорическихъ образовъ и существительныхъ надъ сравненіями и глаголами способствуетъ наиболѣе выпуклой пластикѣ стихотвореній, тахітиш‘у пластикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ метафоричность языка Боратынскаго въ большой степени обуславливаетъ и символизмъ стихотвореній поэта, яркими, смѣлыми и конкретными образами передающаго порой самыя отвлеченныя понятія и откровенія своей души и мысли.

Самый словарь Боратынскаго отличается индивидуальностью, какъ индивидуальны и сочетанія словъ и синтаксисъ поэта. Словарь Боратынскаго настолько своеобразенъ, что порой является темнымъ, и нѣкоторые (преимущественно метафорическіе) обороты его требуютъ специальныхъ комментаріевъ.

Только послѣ большого напряженія ума и воображенія можно понять, напр., его заключительные стихи стихотворенія „Были бури, непогоды“:

Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ.

Въ переводѣ это значитъ: ты не воспоешь безотрадныхъ мыслей старости. Таковы и другія стихотворенія: „Коттеріи“, „Люблю я васъ, богини пѣнья“ (или стихъ въ „Осени“: „доль носится, не отзываясь долъ“) и др. Крайняя экономія словъ, скупость словъ составляетъ отличительную особенность афористического стиля Боратынскаго, доведеннаго до послѣдней степени возможности.

Первый періодъ Боратынскаго отмѣченъ обиліемъ варваризмовъ, преимущественно галлицизмовъ (вліяніе французской поэзіи), церковно-славянизмовъ и архаизмовъ (вліяніе русской поэзіи XVIII вѣка). Отъ церковно-славянизмовъ и архаизмовъ поэтъ не отказывался и

впослѣдствіи, пользуясь ими какъ необычнымъ способомъ передачи необычнаго поэтическаго содержанія и вводя неологизмы, болѣе похожіе на архаизмы по своему образованію („находъ“, „гнетучій“, „обникъ“, „согласье прямъ“ „упой“ и т. д.).

Поэтъ сознательно вырабатывалъ свой особенный, экзотическій языкъ, изысканный и своеобразный, рѣзко отличающійся отъ языка Пушкина и Пушкинской эпохи.

Поэтическій языкъ и поэтическое содержаніе поэзіи Боратынскаго имѣютъ полное право на признаніе ея *индивидуальнаго характера*. Несмотря на то, что Боратынскій былъ связанъ съ Пушкинской эпохой и общностью литературныхъ традицій и воздѣйствій и— часто—общностью думъ и настроеній, Пушкинъ какъ нельзя болѣе вѣрно указалъ на особенность Боратынскаго, заключающуюся въ томъ, что „никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою, одинъ и независимъ“.

М. Гофманъ.
